

тебе известно, родился между людьми самой бедной и низкой породы, однако фортуною будучи на самую высокую степень вознесен, не гордится с излишеством своим благополучием, как обыкновенно делают люди, из ничего во что-нибудь претворенные; мне то вчера странно показалось, что стихотворец* в оде своей, ему поднесенной, произвел его фамилию от римских императоров, хотя не только сего господина род, но и он сам до 20 лет и о имени простого дворянства не слышал. Ласкатели обыкновенно за счастьем вслед ходят. Теперь вельможу Фортуниада живописцы стараются представить или Юпитером, или Марсом, либо Аполлоном, а сочинители приписывают ему такой разум и просвещение, которого они и сами не имеют; однако он, яко человек разумный, их ласкательствам смеется» (X, 224—225).

Нарочитое, по мнению П. Н. Беркова, употребление в последнем предложении слов «разум» и «разумный», а также предполагаемый им намек на пиита Михаила Козачинского, который в своей поэме «Философия Аристотелева по умствованию перипатетиков» (Львов, 1745) выводил «шляхетную енеалогию благородных господ Разумовских» от Октавина Августа, — вот детали, служившие, как полагал ученый, современным читателям опознавательными знаками для расшифровки портрета Фортуниада. Эта аргументация недостаточно убедительна уже потому, что не приведено никаких свидетельств того, что книга М. Козачинского имела достаточно широкое хождение в конце 1760-х гг., чтобы быть известной не только эрудированному Эмину, но тем более читателям «Адской почты», от которых, разумеется, нельзя было ожидать напряженных усилий мысли и памяти для отождествления, так как оно должно было происходить легко и непринужденно. Сильно колеблет аргументацию и присутствие подобных же деталей во французском тексте-субстрате.

Ленобль опирается на «разговор» Лукиана из Самосаты «Тимон, или Мизантроп», но не пересказывает изложенную в нем версию биографии знаменитого человеконенавистника, а, отталкиваясь от нее, создает свою. Он упоминает о низком происхождении Тимона и его природной бедности, а затем рисует подробную картину того, как изменилось положение этого лица, стоило ему по воле богов разбогатеть: «Все, кто над ним издевался, когда он был нищим, теперь, увидев его купающимся в изобилии, низко перед ним склонились и стали ему воздавать самые неумеренные почести; его признали человеком остроумным и благородного происхождения; ему расточали похвалы, а нищие стихоплеты подстегнули своих муз курить ему фимиам; составители генеалогий произвели его род от королей и императоров; <...> художники между собою соревновались, рисуя его один — Юпитером, другой — Марсом, третий — Аполлоном <...>» (D₂ 6—7).

Очерк о Фортуниаде появляется в «Адской почте» в тот момент, когда Эмин, черпая из французского источника материал в строгой последовательности страниц брошюры, подошел к тем,